

*Original research paper**Received: 15.03.2022
Accepted: 22.04.2022*

НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ Л.Н. ТОЛСТОГО В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ И РУССКОГО ХУДОЖНИКА-ЭМИГРАНТА

Oleg Zvonarev

Олег Звонарёв

ORCID: 0000-0002-0585-7324

*Институт мировых цивилизаций, Россия, Москва
donfeliz@yandex.ru*

Lola Zvonareva

Лола Звонарёва

ORCID: 000-0002-7739-3987

*Институт мировых цивилизаций, Россия, Москва
lzvonareva@mail.ru*

Abstract

Leo Tolstoy Folk Stories as Apprehended by the American Writer and Russian Illustrator and Emigrant

The article discusses the way the creative work of Tolstoy had been influencing the ideology formation of the American Tolstoy readers in the middle of the 20th century from the point of view of Dorothy Canfield Fisher, the famous American writer, educational reformer and social activist of that age. The latter definitely vowed for women rights, equality and education for everybody. Besides organizing children education according to Montessori method she run the first US educational programme and influenced literary preferences. In 1957 the first American best children book award named Dorothy Canfield Fisher Children's Book Award was founded. The book encompassed the Tolstoy *Folk stories* dedicated to the Scripture with engravings of Alexander Alexeieff, the eminent illustrator and the first wave emigrant, dealing mainly with love, kindness and humanism. The American enlightener assumed the book to attract attention of the American public to the necessity of the spiritual education of children and self-perfection of every grown up reader. The authors of the article presume the former to have considered the book to be the source of spiritual love and Angel's blessing to all its readers regardless of nationality, sex and age.

Key words: Leo Tolstoy, Alexander Alexeieff, engravings, Dorothy Canfield Fisher, folk tales and legends

Ключевые слова: Лев Толстой, Александр Алексеев, гравюры, Дороти Кэнфилд Фишер, народные рассказы и легенды

В 1948 году в нью-йоркском издательстве «Пантеон букс» *Рассказы и легенды* Л. Толстого выходят на английском языке в переводе Луизы и Алмера Мод [Tolstoy 1948]. Основатель в Америке «Пантеон букс» – Жак Шифрин, который ещё в Париже издавал русскую классику *Записки сумасшедшего* и *Братьев Карамазовых* Ф. Достоевского в своём издательстве «Плеяда».

Предисловие к книге написала Дороти Кэнфилд Фишер (1879–1958), американская писательница, по некоторым оценкам, самый продаваемый американский автор первых трёх десятилетий XX века, известная также как реформатор образования и общественный деятель того периода. В течение всей своей жизни решительно поддерживала права женщин, расовое равенство и образование. В дополнение воспитанию детей по методу Монтессори, она руководила первой в США образовательной программой и формировала литературные вкусы, выступая в качестве члена комитета клуба «Книга месяца» (Book of the Month Club) с 1925 по 1951 год. В 1957 г. была учреждена американская награда за лучшую книгу для детей, названная её именем – Dorothy Canfield Fisher Children's Book Award.

Судя по её тексту, рассказы Толстого, также занимавшегося проблемами народного образования и публично выступавшего по важным для него проблемам жизни общества, тронули и растрогали автора, напомнив конкретные эпизоды из пережитого ею лично.

В нью-йоркское издание вошли восемь произведений, очевидно, более понятных читателю-американцу: *Чем люди живы*, *Три старца*, *Два старика*, *Бог правду видит, да не скоро скажет*, *Крестник*, *Хозяин и работник*, а также притчи: *Много ли человеку земли нужно*, *Где любовь, там и бог*, и легенда *Чем люди живы*¹. Впервые нам удалось познакомиться с экземпляром этой книги в Петербурге, в коллекции академика РАО М.И. Башмакова.

Томик в 224 страницы, переплетённый в картон, оклеенный бежевой бумагой со стилизованным, многократно повторяющимся, как декоративный узор в тканых русскими крестьянками полотенцах, с условным, напоминающим лепную народную игрушку изображением пёстрых петухов и такого же размера пёстрых лошадок, запряжённых в телегу или сани. На обложке словно воссоздана сама переплетённая структура тканого полотна с повторяющейся меревкой. На колленковом корешке курсивом даётся название книги, отпечатанное синим. В 2017 году один из авторов этого текста побывал в Нью-Йорке и у коллекционера-библиофила приобрёл экземпляр книги.

Заметим, в СССР *Народные рассказы* Толстого на темы заповедей Господних отдельной книгой не издавались до 1985 года. Первым иллюстратором притчи *Чем люди живы* в 1881 году стал известный художник Н.Н. Ге, сделавший

¹ Названия рассказов Л.Н. Толстого приводятся по: [Толстой 1982: X, 541; XXII, 555-558].

литографским карандашом, растушровкой и кистью двенадцать рисунков в реалистической манере; в 1904 году рассказ иллюстрировал Л.О. Пастернак. Только один рассказ, *Три смерти*, в советское время, в 1952–1953 гг., иллюстрировал (акварель, гуашь) А.А. Пластов. В 2010-м *Народные рассказы* вышли с карандашными рисунками известного художника Бориса Диодорова, которого потрясли толстовские религиозные образы и сделали по-настоящему верующим человеком.

Герой притчи *Чем люди живы* – наказанный Господом ангел, которого подвыпивший сапожник Семён увидел рядом с часовней обнажённым и удивился: «На скотину не похоже. С головы похоже на человека, да бело что-то. [...] точно, человек, живой ли, мёртвый, голышом сидит, прислонён к часовне и не шевелится...» [Толстой 2010: 7]. Замёрзший ангел оттаивает, согретый любовью. Постепенно открываются ему слова Бога, обнаруживается пророческий дар – и вот от него уже свет идёт, знак того, что его простил Бог и близится минута возвращения. По мнению Н. Страхова, толстовский рассказ *Чем люди живы* отличает «удивительная сердечная теплота» [Страхов 1885: 101].

Рассказ *Где любовь, там и Бог* (1885) написан на всё ту же главную для Толстого тему – любви к людям, герой его, сапожник Мартын Авдеич, из окошка подвала по обуви узнающий людей.

В легенде *Два старика* (1885) Толстой изображает любимого героя-праведника следующим образом:

Стоит Елисей без сетки, без рукавиц, в кафтане сером под берёзкой, руки развёл и глядит кверху, и лысина блестит во всю голову, как он в Иерусалиме у гроба Господня стоял, а над ним, как в Иерусалиме, сквозь берёзку, как жар горит, играет солнце, а вокруг головы золотые пчёлки в венец свились, вьются, а не жалят его [Толстой 2010: 394].

Своеобразная икона святого в его земном воплощении.

В повести *Хозяин и работник* (1895): Толстой утверждает: бессмертную душу корыстного, увлечённого выгодной покупкой купца Василия Андреевича Брехунова спас приступ бескорыстия, во время которого он ценой своей жизни отогревает замерзающего в пургу работника Никиту.

В рассказе *Много ли человеку земли надо* образ алчного мужика снижен до гротеска. Рассказ основан на старинных башкирских сказаниях: азиатские просторы и восточные типажи были знакомы Толстому; побывав не раз в этих местах, он полюбил и тот быт, и ту «ветхозаветную» жизнь.

Герой притчи *Бог правду видит, да не скоро скажет* – молодой купец Аксёнов: оклеветанный, на долгие годы попадёт он, невинный, в тюрьму, из которой не дано ему выйти, хоть и встретит он там своего обидчика.

Писатель, готовясь к созданию народных легенд и рассказов, изучал и записывал народную речь, перечитывал аутентичные *Народные русские легенды*, записанные А.Н. Афанасьевым, вырабатывая близкий и понятный народу язык и стиль.

Такой скрупулёзный подход Толстого к созданию народных легенд и рассказов сослужил, на наш взгляд, не очень хорошую службу его будущим англоязычным, во всяком случае, переводчикам, в том числе и в США. Так уж получилось, что, работая со вступлением Дороти Кэнфилд Фишер, волей-неволей приходилось и анализировать переведённые на английский тексты Толстого, включённые в эту книгу, чтобы понимать, что имела ввиду американская просветительница, описывая свои впечатления от прочитанных ею в детстве легенд и рассказов великого русского писателя. И авторы статьи столкнулись с любопытным феноменом, встречающимся с известной периодичностью на страницах этого американского издания.

Речь идёт о том, что и переводчики, и редакторы упомянутой книги не уделили должного внимания переводу богатой лексики Толстого, определяющей подтекст, необходимое настроение, что играет зачастую очень важную роль в передаче основной идеи и формировании нужного, с точки зрения автора, душевного настроения у читателя. Так, например, анализируя эмоциональный фон, складывающийся по мере прочтения легенды *Чем люди живы*, Дороти Кэнфилд Фишер, по необходимости пересказывая отдельные её эпизоды, вслед за переводчиками употребляет слово «slippers», говоря о том, что работник, а на самом деле, наказанный Господом ангел, работая у Семёна подмастерьем, неожиданно для героев притчи, сшил для барина, по собственной инициативе, «босовики» вместо заказанным последним сапог. В результате, англоязычному читателю становится трудно понять драматизм сюжета Толстого, поскольку в английском «slippers» означает всего лишь «шлёпанцы», «комнатные или домашние туфли». И ни автор вступления, ни переводчики, ни редакторы не объясняют читателю принципиальную разницу между «шлёпанцами», «комнатными или домашними туфлями» и обувью, которой, согласно, древним славянским традициям и поверьям, кладут в гроб усопшим. А по нашему мнению, таким образом Толстой, упоминая, что Михайла, неожиданно сшил «босовики», даёт читателю понять, что Господь уже начал как бы прощать наказанного ангела, возвратив ему дар предвидения.

То же самое можно сказать и о слове «барин». В переводе вступления Дороти Кэнфилд Фишер мы сознательно употребляли упомянутый термин, поскольку именно так Толстой именовал этот персонаж, хотя в американском оригинале присутствовало словосочетание «rich man». Суть вопроса в том, что в русском языке слово «барин», имея синонимы «хозяин, господин», буквально означает «помещик, представитель привилегированного класса», происходя, в свою очередь, от названия представителя высшего феодального сословия средневековой Руси, «боярина». Понятие же «боярин», в свою очередь, означало вельможу, дворянина, который зачастую мог нести как военную, так и гражданскую службу, будучи назначаемым на неё не только благодаря своей родословной, но и желанию служить «государю и Отечеству». Именно этот подтекст и зашифровывал, на наш взгляд Толстой, описывая, буквально говоря, переполох, поднявшийся в избушке сапожника, когда упомянутый

барин пришёл заказывать себе сапоги, а также, когда Михайла сшил вместо них «босовики».

Однако целью авторов настоящей статьи отнюдь не является разбор лексических и терминологических проблем, возникших у переводчиков и редакторов при работе над этой книгой. Главным, на наш взгляд, является то, что это – одна из немногих попыток донести до интересующейся американской аудитории не только «полезные для души и ума» произведения великого русского писателя, но и разъяснить непреходящее значение и важность литературы такого уровня для формирования лучших человеческих качеств не только у детей, но и читателей Толстого любого возраста.

Ниже мы приводим первую публикацию перевода вступления Дороти Кэнфилд Фишер, выполненного одним из авторов настоящей статьи, О.В. Звонаревым для того, чтобы любой заинтересованный специалист мог составить своё собственное мнение об её взглядах по упомянутым вопросам.

* * *

Почему издатель должен представлять читающей публике ещё один сборник рассказов, выбранных из народных сказок Л.Н. Толстого? Почему американский писатель двадцатого века должен почитать за честь возможность написать что-нибудь об этой книге? Выпущено в свет много других изданий, включающих в себя народные сказки и рассказы Толстого. В течении более, чем шестидесяти лет они неоднократно издавались и переиздавались на множестве языков мира. Нет никакой необходимости «представлять» их читателю. Убелённые сегодня сединами представители многих народов, оглядываясь на своё отрочество, вспоминают не только даже стулья, столы, окна и стены в тех комнатах, где они прочли в первый, тот самый незабываемый раз, тот или иной из этих рассказов, но и то, как, оторвавшись от книги, ощутили, как они, покинув детство, оказались в высших сферах, пристанище духовного начала, где время не имеет своей силы. И нет никакой необходимости спасать народные сказки и рассказы Толстого от забвения. Они были нашими близкими друзьями в течение очень и очень долгого времени, но не стёрлись из памяти человечества. «Ужасный дар познания» (в оригинале у автора выделено курсивом – авт.) никогда не скрывал их красоты, переполненной внутренней силой и заботой, от ненадёжного и переменчивого взгляда, свойственного человеку.

Почему тогда...? Начинается ли ответ на этот вопрос с другого «почему»? Почему хорошая мать подаёт сегодня на стол своей семье хлеб? Этот хлеб был у них на столе вчера, позавчера и так в течение всего предыдущего года. Да, но они нуждаются в нём каждый день. Детям он нужен, как пища для роста. Те, которые находятся в начале своего жизненного пути, должны получать его в пищу, поскольку хлеб является основной частью диеты, придающей им силы для того, чтобы они могли в дальнейшем нести бремя ответственности, составляющей участь любого взрослого человека. Люди старшего возраста, те, кто

в течение своей долгой жизни уже съели очень много хлеба, также нуждаются в нём, как в средстве защиты от чересчур быстрой потери физических сил, представляющей собой угрозу растущей духовной мудрости, награды, которая приходит с годами, компенсируя физические немощи. Ну что же, рассказы и легенды Толстого представляют собой хлеб для нашего духовного начала. Это не забавные истории, которые можно прочитать только один раз, или, максимум, два, а, затем, забыть о них, поскольку читатель теперь знает развязку. Любой читатель каждый раз открывает для себя в рассказах Толстого что-то новое, по мере взросления своего сердца и разума, которые, про простетвии времени, становятся способны воспринимать всё больше и больше вечных Истин. Сорокалетний читатель, с двумя десятками лет взрослой жизни за плечами, прочитав ещё раз потрясающий рассказ *Бог правду видит, да не скоро скажет*, находит там более глубокую, непреходящую правду жизни, по сравнению с тем, что он испытал, будучи шестнадцатилетним подростком, когда прочитанный в первый раз рассказ оказал мощное, возможно болезненное влияние на его бунтарское мальчишеское сердце. Семидесятилетняя женщина, прочитав ещё раз рассказ «Где любовь, там и Бог», находит между строк его текста написанные невидимыми чернилами воспоминаний случаи из своей собственной жизни, подтверждающие правоту автора (т.е. автора рассказов – Л.Н. Толстого – прим. авт.).

И, подобно хлебу, эти рассказы должны постоянно находится на обеденном столе человечества в том или ином виде, готовые к тому, чтобы их могли найти как юноша, так и зрелый муж, равно как и человек в возрасте. Это новое издание предназначено для того, чтобы представить новую выборку рассказов, тщательно подобранных таким образом, чтобы множество слилось в единое целое и оказало гармоничное влияние на любого, как молодого, так и в возрасте, читателя двадцатого века.

Был ли когда-нибудь в истории людей период, когда дети человеческие более, чем сегодня нуждались в духовной пище, представленной им в этих правдивых историях? (Да, правдивых, несмотря даже на то, что крылатый ангел является героем одной из них, намного более правдивых, чем любая, дословно записанная история). Поскольку это рассказы являются историями о Любви и её светлой, бесконечной силе; а мы живём в атмосфере ненависти. Извечные отражения тёмного зеркала ненависти – раздражение, ярость и кара наполняют наши сердца ядом.

Эти повествования о том, что Любовь может дать человеку разумному настолько пропитаны духом Любви, что даже сегодня, в эпоху смертельных угроз, мы не протестуем против них так, как мы протестовали бы против мирных проповедей и наставлений. В их кристальной чистоте нет и следа, ощущаемого даже на подсознательном уровне, вины тех, кто знает, как жить без любви, отличаясь уверенностью в собственной правоте (по крайней мере, так многие из нас чувствуют) и проповедуя мир и любовь, подобно некоторым современным моралистам. Эти рассказы не подвержены влиянию времени, они, подобно фруктам, созревают, наливаясь соками, на дереве духовных ценностей. Они в любой

момент могут быть поданы к столу, они говорят сами за себя, легко побеждая любого оппонента и указывая нам выход из тупикового лабиринта утомительного, тяжкого существования, где мы бродим туда-сюда в безуспешных поисках выхода. Ни в коем случае следует думать, что они дают нам повод для неистового, ведущего к саморазрушению крика – «Что ещё мы можем делать, кроме как сражаться сейчас?», которым мы отрицаем другие варианты, кажущиеся нам абсурдными и трагически непрактичными, предлагающие нам перестать ненавидеть и научиться любить. Толстой миролюбиво, совсем неагрессивно, напоминает нам о мире. Он не говорит: «Сделай так или этак, и тогда ты смог бы перестать сражаться и ненавидеть». Мы прекрасно знаем, что «сделав так или этак», мы не можем избежать падения в отвратительную пропасть, куда рухнули мы и все наши братья по разуму, где мы сражаемся и страдаем. Нам не требуется читать проповеди, доказывая, что всё, что мы делаем, мы делаем неправильно. Поскольку большинство из нас искренне не видит как, в нынешней ситуации, перестать совершать неверные поступки и не подвергнуть, таким образом, угрозе то будущее, которое, как мы думаем, мы заслуживаем, мы резко негодуем, слыша, как нам кажется, пустые слова. Сказать нам, что мы сами навлекли на себя невыносимые невзгоды будет означать насмешку в наш адрес; это похоже на то, когда прохожий, остановившись рядом с человеком, сломавшим ногу, должно быть, сказал бы ему: «Если бы ты не потерялся в тумане и не упал с той скалы, сейчас ты был бы цел и здоров и мог бы продолжить свой путь».

Духовная Любовь Толстого подобна встающему солнцу, которое разгоняет занавесь тумана и демонстрирует нам в золотых и зелёных тонах картину мира, плодородного и многообещающего, где живут люди. В таком освещении мы сами видим место, где мы сбились с пути, когда наши неверные шаги привели к катастрофическим последствиям. Мы видим, что существует верный путь, мы прослеживаем его на всём его протяжении, пока он вьётся среди колосющихся нив, тенистых лесов и плодоносящих садов, ведя к спокойным местам, где наши дети могли бы жить в безопасности. Он не опускается до услужливых объяснений по поводу того, как улучшить наше бедственное положение. Действительно, он не делает ничего такого, о чём стоит упоминать. Но, по мере того, как мы читаем его произведения, мы волей-неволей раскрываем глаза и видим, что те несчастья, которые сейчас свалились на нашу голову, являются лишь частью бесконечно более широкого замысла. То, как Толстой изображает, как людям доставляет радость любить и жить друг для друга, даёт нам в тысячу раз больше причин для того, чтобы ещё сильнее, чем когда-либо стремиться жить, беречь своё здоровье, помогать нашим детям в учёбе, и показывает спокойные и созидательные пути к миру.

Но, что неожиданно удивляет нас, всё это облечено в форму многочисленных поучений. Как случилось, что Толстой, не будучи проповедником, смог достучаться до наших сердец, напоминая, что мир и любовь – не только красивые слова, и что мы сможем добиться мира и любви, если заслужим такое благословение. Ответ прост: Толстой был великим художником.

Когда Толстой начал писать свои рассказы, он находился на пике своего жизненного опыта, будучи опытным художником слова. Он испытал почти всё из того, что жизнь может дать человеку, за исключением бедности и криминального опыта, но его проницательность провидца дала ему интуитивные знания об этих теневых сторонах жизни. Он служил офицером во время войны. Он был очевидцем дикой и свободной жизни кочевых племён. Он был вхож в круги самой родовитой аристократии. В течение многих лет он жил деревне, подобно фермеру. Он познал любовь, брак, отцовство, радость, мучительную скорбь – пятеро его детей умерли в первые годы жизни в его доме, на его руках. Как писатель, он достиг такого признания, такой славы, как ни один другой писатель его времени. Щедрость добытых им богатств сублимировалась в чёткие и ясные истины, которые он вложил в свои рассказы для молодого поколения и людей с чистыми помыслами.

Его романы прославили его, продемонстрировав исключительный литературный талант, но, в первую очередь, то, что все его персонажи предстают, как живые на их страницах. Читателю они не кажутся плодом фантазии писателя. Для него они такие же, как и он сам. Этого чудесного эффекта Толстой добился частично за счёт прорицания скрытого внутреннего мира каждого человека, а частью – за счёт волшебным образом воскрешавшихся в памяти мельчайших деталей. Ты чувствуешь и ощущаешь всем сердцем, что чувствуют в глубине души мужчина или женщина в его романах, ты фактически видишь его во плоти, когда мужчина переставляет стул, неповторимые движения рук женщины, когда она закалывает волосы шпильками, её неповторимое, только ей присущее движение руки, когда она, наклоняясь, берёт книгу со стола, замечаешь особенное, свойственное только ему, движение мужчины, прикуривающего сигару, кашляющего, поворачивающего голову, опускающего глаза. Снова и снова созерцая его во плоти, зная о нём больше, чем все другие, понимая, о чём он действительно мечтает, чего боится, к чему стремится, над чем грустит, он становится для тебя действительно живым человеком. То, что происходит с ним, происходит в реальной жизни. Тебе не остаётся ничего, кроме как поверить в то, что это происходит в действительности.

Толстой полностью овладел этим волшебным даром, когда, будучи мужчиной уже за пятьдесят, перестав творить свои великие, сложные и симфонические композиции, начал писать рассказы. Он держал в руках инструменты уверенно и легко, подобно искусному мастеру. Его дисциплинированный талант уже миновал стадию опьянения от восторга созидания. Он скупно использовал свой гений, нанеся мазок здесь, мазок там, не более, чем было необходимо для воплощения замысла, но, как всегда, недостаточно для того, чтобы скрыть под ним структуру ограняемого материала.

Поскольку здесь отсутствует избыточная описательность, в противоположность тому, что наблюдается в его романах, и читатель, в большинстве своём, встречает изображение обыкновенной, требующей осмысления, в самой своей сути, простоты человеческой жизни, то его ничем не занятое внимание получа-

ет восторженное наслаждение от точного и правдивого описания относительно редких деталей, которые Толстой включил в повествование. В качестве примера можно взять буквально какой угодно эпизод из любого рассказа. Давайте приведём наугад, нет не наугад, а из одного из наиболее сложных для понимания современным читателем рассказов, в качестве примера, некоторые подробности странной истории архангела Михаила, озаглавленной *Чем люди живы*. Её содержание известно любому, кому, хоть раз в детстве, взрослые читали благочестивые рассказы из сборника о житии святых. Ребёнок зевал, вертелся, смотрел на часы, страстно желая ускорить бег времени, и скучал, слушая глупую волшебную сказку об архангеле, наказанием которого, за неподчинение Божественной воле, стала, на некоторое время, жизнь на земле в облики простого человека. Когда, в конце концов, после многих странных поступков, ангелу всё же дано было вновь обрести крылья и вернуться в горние веси, юный слушатель соскользнул со стула и помчался вновь играть, причём Гавриил или Михаил значили для него значительно меньше, чем Джек-Победитель великанов².

В рассказе Толстого безошибочно избранные нравоучительные подробности, вдохновенно изложенные автором, увлекают читателя за собой, за пределы привычной ему жизни, приводя, буквально говоря, в убогую хижину сапожника:

Взял Михайла со стола обрезки товара, свернул трубкой, взял и босовики готовые, шёлкнул друг об друга, обтёр фартуком и подал малому. Взял малой босовики. – Прощайте, хозяева! Добрый час! [Толстой 1982: X, 246]

Разве Вы там не присутствовали? Разве Вы не видели Михаила, хорошего работника, подававшего сшитые им босовики слуге барина? Разве Вы не слышали щелчка, когда он стряхивал с них пыль, и не почувствовали приятного запаха тонко выделанной кожи, редко попадающей в руки бедного сапожника?

Иногда приводимая подробность настолько незначительна, что её можно заметить только при тщательном анализе, однако она волшебным образом сохраняется в памяти. В том же рассказе описывается, как «хозяйка в печь чугуны ставит, в ребята по лавкам бегают, в окна глядят...» [Толстой 1982: X, 246], а новый работник, странно не замечающий всего этого, продолжает набивать гвоздиками каблук. Неожиданно он прерывается и, впервые за всё время работы у Семёна, прервав своё занятие, начинает пристально смотреть в окно. Удивившись этому, все, там присутствовавшие, также посмотрели в окно и увидели хорошо одетую женщину, которая шла к их хижине, ведя двух девочек за руки. Может, это новый клиент, который сделает долгожданный заказ? Почему Михаил, отложив работу, уставился на неё? Толстому нет нужды подробно описывать подозрения, охватившие семью в хижине; равно, как и ему не нужно было

² Дороти Кэнфилд Фишер имеет ввиду знаменитую английскую народную сказку о храбрости и мужестве *Джек – победитель великанов*, смысл которой в том, что удача любит смелых и отважных людей с добрым сердцем. Герой сказки – Джек не захотел мириться с тем, что на его земле живет зло (в данном случае великаны) и стал успешно с ними бороться – прим. пер.

тратить много слов, чтобы передать, как безмолвная тишина, спровоцированная любопытством, сменила шум и лязг чугунков в хижине. Он пишет, используя самые простые слова:

Взошла женщина на крыльцо, в сени, ощупала дверь, потянула за скобу – отворила. Пропустила вперёд себя двух девочек и вошла в избу.

– Здорово, хозяева!, – сказала она [Толстой 1982: X, 247].

Автору совершенно не требуется напоминать читателю, что герои могли услышать звук открываемой скобы и брызнувший в дверной проём свет, только если они, до этого активно и шумно суетившиеся по своим делам, замерли в полной тишине, затаив дыхание. Этого не требуется, поскольку сам читатель, в напряжении задержав дыхание, слышит слабый звук наощупь открываемой скобы. Благодаря опытному, рассудительному, точному и вдохновенному подбору подобных деталей, читатель как бы сам живёт в избе сапожника вместе с Михаилом, видя, ощущая, пробуя на вкус, слушая и переживая всё, что происходит с ним. Ему ничего не остаётся, как поверить, что всё это действительно происходит, прямо перед его глазами, ровно так, как это срежиссировал Толстой. И так, наконец, когда ангел «...оделся...весь светом так, что глазу нельзя смотреть на него...» [Толстой 1982: X, 252], когда за его спиной распустились крылья, и он начал возноситься на небо, ты, читатель, также как и сапожник и его семья, склоняешься перед ним в почтительном поклоне.

Иногда приводимые подробности, с одной стороны, недоскональные и неполные, как, например, в эпизоде, где женщина на ощупь открывает скобу, запирающую дверь, но, с другой, – безусловно уместные, хотя и всегда кажутся упрощёнными для лучшего понимания простым народом, увлекают читателя, подобно вихрю вальса при смене музыкальной тональности, поднимая его на новый уровень ощущений. Так происходит в рассказе *Два старика*. Богатый старик, возвращаясь из паломничества в Иерусалим, зашёл в хатку [Толстой 1982: X, 306], где остановившись попить воды, остался его более бедный товарищ, чтобы спасти погибавшую от бедности и безысходности семью. До этого момента сюжетная линия была очень простой, носила, в большинстве своём повествовательный характер. Читатель является свидетелем всех событий, которые происходили с одним конкретным человеком, с одной конкретной семьёй. А старуха рассказывала гостю о том, что с произошло с их семьёй:

...А он вот что сделал! Как увидал нас, сейчас сумочку долой, вот на этом месте поставил, развязал.

Вступилась и девочка.

– Нет, – говорит, – бабушка, он прежде сюда посереде хаты поставил сумку, а потом на лавку убрал.

И стали они спорить, и все его слова и дела поминать: и где он сидел, и где спал, и что делал, и что кому сказал. [Толстой 1982: X, 306–307]

Там, перед глазами читателя, нарастает, подобно распускающемуся цветку, напряжение в повествовании, и оно превращается в народное предание, поскольку такие события имеют непреходящее, вселенское значение.

Ни в одном из этих рассказов потрясающее искусство Толстого использовать мельчайшие подробности для усиления эффекта повествования, не оказало столь значительное влияние на произведение, как в шедевре под названием *Хозяин и работник*. Картина в высшей степени иступлённого восторга, испытанного хозяином в момент смерти, передаётся изобилием присутствующих исключительно натуралистических деталей. Это похоже на то, как парящее кружево чередующихся узоров на головокружительной высоте величественного готического собора поддерживается вздымающимися вверх прочными колоннами, состоящими из уложенных друг поверх друга камней, представляя собой самый первый, открытый людьми, и простой вид сооружения для опоры и поддержания фронтонов и внутренних частей здания.

Существуют также весьма «уместные ко времени»³ соображения, проистекающие, фактически, из современного положения вещей, которые вполне обуславливают привлечение внимания американских читателей к новой подборке рассказов Толстого, основной темой которых является любовь и доброта. Одним из таких соображений является почитание Толстого в современной России, поскольку его усадьба была превращена в музей и святыню. Мы не думаем, что советская Россия является страной, где преобладает религиозный тип мышления, совсем наоборот. Тем не менее, усадьба Толстого, по декрету правительства, была сохранена с своим первоизданном виде, такой, какой она была при жизни Толстого, вплоть до того, что мебель осталась, насколько это возможно, стоять на тех местах, как и в то время, когда ещё старый мастер держал в руках могучее перо, включая шаткий стол, за которым его верная жена усиленно трудилась, переписывая его книги, духовное содержание которых она не могла постигнуть.

Мы, американцы, во всяком случае большинство из нас, восприняли это, как должное. Что ещё, помимо любви и восхищения, может любой человек, умеющий читать и писать, чувствовать по отношению к Толстому? Величие его духа, потрясающие достижения его литературного гения, далеко выходящего за рамки, как мы думали, любых политэкономических теорий. Нам не пришло в голову, во всяком случае, большинству из нас, что свойства национального характера безмолвно воплощаются в героях, которыми нельзя не восхищаться. В понимании характера Советской России, сложившимся у нас, мы, кстати, забыли учесть тот факт, что там организовали объект паломничества из усадьбы, где Толстой в муках боролся с собой, отходя от материализма, хотя последний и был приятен, любезен сердцу и безобиден, стремясь к всеобщей Любви и доброте.

Только те, у кого большое сердце, могут отдать ему должное уважение. Не могут любить и быть добрыми те, кто творит зло преднамеренно. Духовная Любовь, также как и ангел, описанный Толстым, будут вечно блистать, подобно молниям летнего дождя, для всех тех, кто почитает их.

³ В оригинальном тексте автор также выделяет этот эпитет кавычками – прим. пер.

Библиография

- Tolstoy L., 1948, *Stories and Legends*, illustration A. Alexeieff, transl. L. and A. Maude, introduction D. Canfield Fisher, New York.
- Александр Алексеев: *диалог с книгой*, 2005, сост. и общая ред. А. Дмитренко, Санкт-Петербург.
- Страхов Н.Н., 1885, *Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом*, т. 1, Санкт-Петербург.
- Толстой Л., 2010, *Чем люди живы. Народные рассказы*, иллюстрации и послесловие Б.А. Дюдорова, Москва.
- Толстой Л.М., 1982, *Собрание сочинений*, т. X, т. XXII, Москва.

Transliteration

- Aleksandr Alekseev: dialog s knigoj*, 2005, sost. i obšaâ red. A. Dmitrenko, Sankt-Peterburg.
- Strahov N.N., 1885, *Kritičeskie stat'i ob I.S. Turgeneve i L.N. Tolstom*, t. 1, Sankt-Peterburg.
- Tolstoj L., 2010, *Čem lûdi živy. Narodnye rassказы*, illûstracii i posleslovie B.A. Diodorova, Moskva.
- Tolstoj L.M., 1982, *Sobranie sočinenij*, t. X, t. XXII, Moskva.